

Ф.А. Платонов, В.Б. Игнатъева

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИЧЕСКИХ МИГРАЦИЙ КАК ФАКТОР ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ НА СРЕДНЕЙ ЛЕНЕ (ПОСТАНОВКА ВОПРОСА)

УДК 575

В статье рассматриваются дискуссионные вопросы этногенеза якутов (саха). Сопоставив результаты новейших генетических исследований с лингвистическими данными, а также с имеющейся литературой по истории, этнографии и социальной антропологии народа саха, авторы обсуждают малоисследованные аспекты глобальных этносоциальных трансформаций на средней Лене, приведших к формированию своеобразного генофонда современных саха.

Ключевые слова: Y-хромосома, мтДНК, якуты, популяция, этногенез, миграции, этносоциальные трансформации.

The article considers discussion issues of the Yakuts (Sakha) ethnogenesis. Comparing the results of the latest genetic studies with linguistic data, as well as with existing literature on the history, ethnography and social anthropology of the Sakha people, the authors discuss the little-studied aspects of global ethno-social transformations in the middle Lena, which led to the formation of a peculiar gene pool of modern Sakha.

Keywords: Y-chromosome, mtDNA, Yakuts, population, ethnogenesis, migration, ethno-social transformations.

Этническая история народонаселения Якутии, в частности происхождение якутов (саха) – одной из многочисленных популяций северо-востока Евразии, остается в числе наиболее дискуссионных вопросов в отечественной историографии. Отметим, что в существующей литературе представлены разные концепции об этногенезе якутов, среди которых наибольшей аргументированностью выделяются две гипотезы. Так, различные версии «южного» происхождения предполагают длительные миграции предков якутов с юга (Центральная Азия, Южная Сибирь) на Вилую и среднюю Лену, где отдельные группы переселенцев смешивались друг с другом [8–11, 22, 23, 28, 29]. В русле «автохтонной» теории, напротив, поддерживается концепция миксации пришлого южного субстрата с преобладанием аборигенного населения Якутии, имевшей своим следствием образование современного якутского этноса [2, 31]. Преимущественно по принадлежности языка, значимых элементов материальной и духовной культуры народа саха к общим для тюркского мира корням обосновывается доминирование тюркоязычных племен в их этногенезе, происходившем при участии тунгусо- и монголоязычных групп. Так, согласно концепции Г.В. Ксенофонтова [19], якуты представляют собой народ

этнически смешанного происхождения, включивший в себя три «волны» тюркоязычных переселенцев из Приангарья и Прибайкалья. По его предположению, поэтапное проникновение предков якутов на территорию их современного расселения, сначала «оленных» якутов, позже – якутов-скотоводов, длилось в период с I по XII в. н.э. Многосоставное происхождение предков якутов также аргументируется данными сравнительной лингвистики [5, 28, 34] и многочисленными археологическими артефактами [4, 12, 26]. Сегодня исследователи склоняются к компромиссному подходу, согласно которому основу процесса формирования якутской популяции составляют темпорально разделенные миграционные потоки выходцев с юга Сибири на север по течению р. Лена, вступавшие в тесные этнокультурные контакты с различными автохтонными племенами [22]. Вместе с тем имеются и существенные разногласия по поводу предполагаемых географических точек исхода, хронологической привязки миграций, их логики и маршрута, этнического состава переселенцев и др.

Примечательно, что новые горизонты в изучении существующих лакунов в этнографии якутов (саха) связываются с развитием молекулярно-генетических исследований, характеризующихся высокой репрезентативностью результатов. Так, в свете новых данных о генетических характеристиках человеческих популяций, определенных с помощью методики ДНК-маркеров, интересным представляется гипотеза о формировании народа саха на основе смешения автохтонного мужского населения региона с пришлым, по преи-

муществу женским, населением с юга.

Объективно отправной точкой для соответствующих размышлений является факт взаимосвязи исторических миграций и генофонда современных народов Якутии [36]. Как известно, существуют основные парные (аутосомные хромосомы, 22 пары), митохондриальная ДНК (мтДНК), половые X и Y хромосомы. При этом если Y-хромосома определяет мужской пол и передается от отца к сыну, то мтДНК присутствует как у мужчин, так и у женщин, но передается лишь от матери ко всем детям, независимо от их половой принадлежности. Маркеры ДНК (парных хромосом) характеризуют сообщества в целом, не выделяя генетического вклада каждого из полов. Однако по типам (особенностям) полиморфизма (разнообразия) ДНК можно оценить те или иные события, происходившие в процессе исторического развития данной популяции. Таким образом, достоверность наличия генетических следов миграций в генофонде популяции дает основание для исторической реконструкции модели этногенеза любого народа.

Генетическая история популяции чаще всего рассматривается по структурным особенностям мтДНК и Y-хромосомы. Полиморфизмы мтДНК и Y-хромосомы, передающиеся из поколения в поколение только по одной из родительских линий, позволяют (теоретически) выяснить происхождение популяции отдельно по женской и мужской линиям. Разнообразие маркеров мтДНК и Y-хромосомы определяется факторами микроэволюции (миграция, отбор, мутации). Особую значимость такой подход имеет при незначитель-

ной численности популяции, её малой плотности расселения, суровых географических и природно-климатических условиях проживания, т.е. вполне соответствует для изучения генетической истории якутов. Например, анализ гаплотипов Y-хромосомы выявил мотивы, специфичные только для якутской популяции. Сравнительное изучение мтДНК якутов и других тюрко-монголо-тунгусоязычных популяций обнаружило генетическое родство якутов по материнской линии (мтДНК) с южно-сибирскими тюркоязычными тувинцами и алтайцами [36,37]. Исследования по генетической археологии [17,36] позволили датировать и общего мужского предка выборки 17 маркерных гаплотипов (всего 14) линии N1c1, выявленного по результатам тестирования человеческих останков из захоронений на территории Якутии [39]. Дата общего мужского предка при скорости мутаций 0,002 на маркер на поколение: 42 поколения от средней даты захоронений. При учете последней величины дата общего предка погребенных людей соответствует дате общего предка якутов, тестированных в наше время. Таким образом, датирование [1,36] общего предка якутов линии N1c1 при приведении скоростей мутаций к одной величине дает середину первого тыс. н.э.

Специфическая для якутских мужчин N3-хромосома образует отдельную ветвь, возникшую 1540±580 лет назад [36]. Другими словами, получается, что мужчины-якуты обособились в середине I тыс. н.э. Известно, что популяция состоит из представителей отдельных родов и принадлежности к нему чаще всего признается по мужской линии. Если даже согласиться с мнением, что отдельные группы или племена кочевников-скотоводов откуда-то с юга пришли на среднюю Лену, то свою обособленную Y-хромосому, которая относится к так называемому северному варианту, они уже могли иметь в указанный период, соответственно предки якутов, вероятно, и ранее проживали на Севере. Сразу оговоримся, что привязанность времени дивергенции к данной территории пока не имеет убедительных доказательств.

В целом результаты биогенетических исследований в сравнительно-историческом плане ставят в необходимость дальнейший поиск новых знаний, связанных с проблемой происхождения народа саха. Если исходить из тезиса об их сложении в результате смешения различных этнических групп

на протяжении длительного исторического времени, то в свете выявленного генетического профиля якутской популяции определенные исследовательские перспективы обретает метод ретроспективного (возвратного) анализа, позволяющий реактуализировать отдельные идеи существующих концепций и выдвигать нестандартные интерпретации обширной историографической информации. В настоящей статье тематическому обсуждению предлагаются малоисследованные аспекты исторических миграций предков якутов, характеризующихся немногочисленностью и малой плотностью расселения, и их воздействие на процесс глобальных этносоциальных трансформаций в регионе.

В указанном контексте обращает на себя внимание общая проблематика «демографического взрыва», которая давно привлекает интерес исследователей, но до сих пор не имеет должного объяснения. Так, по подсчетам Б.О. Долгих, специально изучавшем вопрос о численности якутов, в середине XVII в. их насчитывалось 28,4 тыс. чел. обоего пола [14]; спустя столетие, в середине XVIII в., их общая численность составляла ориентировочно 69 тыс. чел. [18], а в конце XIX в. – 221,4 тыс. чел. [25]. Отметим, что на протяжении всей истории человеческих сообществ значительный рост численности населения достигался только вследствие кардинальных изменений в способе жизнеобеспечения (собираательство, охота, рыболовство, скотоводство, земледелие) и внедрения технологических инноваций. Применительно к якутам С.А. Токарев подчеркивал, что при их формировании как единой общности из разноэтнических компонентов с преобладанием автохтонного элемента «одной из самых существенных сторон был переход рыболовно-охотничье-оленьеводческих аборигенных племен к разведению конного и рогатого скота» [31]. Определяющую роль экономических факторов в демографических процессах отмечал Г.П. Башарин, главным образом имея в виду взаимосвязь между сменой ориентиров в доминирующем типе хозяйства (переход от разведения лошадей к преимущественному содержанию крупного рогатого скота) и приростом населения [6]. Безусловно, такой переход резко увеличивает объем и качество потребляемых продуктов и их запасов, что непосредственно влияет на динамику численности как отдельных семей и родов, так и популяции в целом.

Вместе с тем демографические сдвиги в силу специфического характера процесса воспроизводства населения занимают, как правило, много времени и не бывают стремительными. Соответственно, всеобъемлющая основа демографического развития якутов была заложена еще в период формирования раннескотоводческого общества, представленного кулунатахской археологической культурой [12]. Многообразная природа мтДНК якутов указывает на то, что рост численности носителей скотоводческой культуры происходил как за счет естественного прироста, так и механического движения тюркоязычного населения Южной Сибири, в составе которого значимое место занимали женщины. Непосредственным импульсом формирования гендерного профиля миграции могли быть существенные диспропорции в демографической структуре народонаселения – половой, возрастной, брачной, усугублявшиеся высокой детской и женской смертностью. Устойчивые во времени женские миграции могли поддерживаться за счет генерализованного обмена брачными партнерами, при котором женщин «меняли» только в одном направлении (например, сын мог вступить в брак с представительницей той же группы, из которой взял себе жену его отец, а дочь не могла выйти замуж за представителя этой же группы). В этом плане интересен материал о системе терминов родства и свойства якутов, отличающейся дифференцированностью категорий патрилатерального родства. Матрилатеральная линия родства представлена одним термином «таай», с помощью которого идет его модифицирование в форме основы: таай-балыс, таай-инии и т.д., т.е. все родство по матери. Кроме того, термин «кылын» – двусторонний термин родства по браку в тюркских языках, в якутском языке означает, в первую очередь, родственников жены. По мнению специалистов, это объясняется более ранним отделением тюркоязычного ядра якутов от своей этнической основы [7].

Как реплику миграций, стимулировавшихся в числе прочих причин также необходимостью поиска брачных партнеров, можно принять якутскую пословицу: «улуу дойду оспуустаах, аан дойду ааттыктаах, куех да-лай оломоох, хара тыа ыллыктаах» (большая страна имеет дорогу в гору, земля, населенная людьми, – горный перевал, глубокая, широкая река

– брод, дремучий лес – проложенную тропу). Отметим, что превосходное знание разнообразных ландшафтов (крупные орографические объекты и речные системы, тайга) и, соответственно, умение ориентироваться в больших физико-географических пространствах, является свидетельством не только оживленного миграционного движения предков якутов, но также их активной включенности в евразийский круг этнокультурных взаимодействий.

На гендерно-миграционную составляющую развития человеческого потенциала скотоводческого населения, возможно, указывает система социальных норм демографического поведения, которое имплицитно передается через множество аттитюдов, ассоциаций и метафор. Например, это старинные притчи, связанные с одобряемым матримониальным поведением: «уу чугаһа, уруу ыраага ордук» (лучше, когда вода близко, а родня – далеко), «кыыс ого – омук анала» (предназначение дочери – другое племя / народ), а также с порицанием брачных связей внутри своего сообщества: «тэлгэһэтиттэн тииннээбиккэ, курдугуттэн бултаабыкка дылы» (подобно человеку, охотившемуся в собственном дворе).

В культурной традиции якутов не может не привлечь к себе внимания отношение к женщине как «временному» человеку в отчем доме и «чужому» в доме родителей мужа. Вместе с тем именно с фигурой женщины ассоциируются не только собственно скотоводческое хозяйство, но и ее жизненное предназначение, предписанное семьей и социальным окружением. Все это заключено в формуле родительского благословения при отъезде девушки, выходящей замуж, из отчего дома: «иннигэр ууруулэн, кэннигэр сэттиилэн» (гони спереди рогатый скот, веди сзади коней). В этой связи Н.В. Емельянов справедливо замечает: «Жена прежде всего – работница. Женский труд ... был самым изнурительным, тяжелым трудом. Действительно, как говорит пословица: Дьахтар оронуттан туран уот оттуор диэри туорт уон санааны саныыр (женщина, встав с постели, пока разведет огонь, сорок дум передумает). Она работает постоянно... на дому, присматривает за скотом, чистит хлев, кормит всю семью, обшивает, одевает, нянчит детей. Как же ей не передумать 40 дум!» [16]. Гендерная реальность женщины одновременно как интегральной части скотоводства и хранительницы домашне-

го очага сохранилась в общественных представлениях о матери как основы благоденствия семьи / домохозяйства («дьиз – ыал ийэтинэн»). Предположительно, экономическая необходимость ведения большого скотоводческого хозяйства и практиковавшаяся вирилокальная экзогамия способствовали распространению полигамии – «держат столько жен, сколько могут прокормить», сохранявшейся у якутов до XVII века [6,32].

В связи с вышеизложенным реактуализируется вопрос о тюркоязычии якутов (саха) как результате интеграции этнически дифференцированных групп [29]. Как известно, выдающийся востоковед-тюрколог В.В. Радлов (1837-1918) в отношении якутского языка придерживался концепции о тюркизации нетюркского языка. Для сравнительно-исторического изучения якутской лексики он привлек 1748 корневых и неразложимых основ, из которых 32,5% были им определены как тюркские элементы, 25,9 – как монгольские, 41,6% – как элементы «неизвестного происхождения», и заключил, что количество монголизмов можно считать равным одной трети лексического запаса якутского языка [40]. Е.И. Убрятова, разделявшая противоположное мнение, тем не менее считала, что он «был в какой-то степени прав, когда высказывал свое предположение об участии нетюркских элементов в формировании якутского языка, фонетика и грамматический строй якутского языка несут на себе отпечаток глубокого воздействия эвенкийского и какого-то монгольского языков» [35].

Не вдаваясь в тонкости теоретической дискуссии, продолжающейся и в настоящее время [20], мы лишь отметим вклад женщин как в сложение единого якутского этноса, осознающего свою языковую, этническую и территориальную общность, так и в формирование самого якутского языка. Общепризнан и не нуждается в доказательствах тот факт, что на конструирование и воспроизводство лингвистической и этнической идентичности большое влияние оказывает первичная социализация человека – овладение языком, усвоение социальных и культурных норм, обретение универсальных навыков и т.д., необходимых для его жизнедеятельности на уровне малых и больших общественных групп. Женщина-мать, будущая центральная фигурой в хозяйстве и домашнем быту, была наиболее

главным агентом первичной социализации, выбиравшим язык воспитания детей и, соответственно, определявшим их лингвистическую и этнокультурную идентичность. Естественно, что первым языком, усваиваемым ребенком в процессе первичной социализации, который одновременно является инструментом этой социализации, был язык его матери. Не случайно во многих языках народов мира есть такое понятие, как «материнский язык» (mother tongue), представленное в якутском языке как «ийэ тыл» (материнский язык) и «тереебут тыл» (родной язык). Соответственно, с миграцией тюркоязычных женщин с юга непосредственно связано последовательное распространение кулунатахской скотоводческой культуры и дальнейшее развитие традиционного хозяйства якутов как сочетания оседлого скотоводства с пастушеским коневодством.

Но остается один вопрос: почему у якутов контрастно доминируют носители линии N1c1? Представляется, что ответ на этот вопрос можно найти, обратившись к имеющейся в популяционной генетике концепции так называемого «бутылочного горлышка». В соответствии с ней популяция предков якутов, предположительно, на пути из Прибайкалья в Центральную Якутию прошла через это «горлышко», но получилось так, что через него прошли в основном носители линии N1c1. Здесь подходящей выглядит версия о том, что современный генетический портрет мужчин-якутов сформировался, главным образом, за счет согласования их биологических особенностей и факторов (распространением ранее неизвестных на Северо-Востоке Азии болезней), условно названных «западная цивилизация» [33]. Результаты последнего генохронологического датирования предков якутов позволили уточнить эту принципиальную схему. По мнению E.Crubezy, «С XVII до XIX веков эпидемии оспы и кори, вызванные контактом с русскими поселенцами, опустошали якутов и их соседей...» [39]. Приводится конкретный период эпидемии оспы – 1650-1653 гг., который, как он считает, кардинально повлиял на ДНК-характеристики коренных народов Якутии, в том числе эвенов и эвенок [1]. Данное явление, если имело место быть, могло обусловить эффект «бутылочного горлышка». Также можно предположить, что и предки якутов к XVI в. уже адаптировались к оспе и кори, а в широком значе-

нии – к факторам, условно названным «западная цивилизация».

Тогда возникает другой вопрос: почему через «бутылочное горлышко» прошли одни мужчины, а женщины – нет? Ответить на него можно, лишь допустив, что генофонд якутов постоянно пополнялся мтДНК из соседних регионов, в основном из Южной Сибири. На древнейшую (начало I тыс.) колонизацию якутами района средней Лены указывают Деренко и Малярчук [13]. Как они пишут, для современного населения Сибири характерна одна из наиболее частых в Северной Евразии (от Северо-Восточной Азии до Восточной Европы) группа HG16. В генофондах этнических общностей Южной и Восточной Сибири ее частота меняется от 2% у шорцев до 55,6% у якутов; у коряков и эвенов – около 30%. Примечательно, что в генофондах этносов Алтае-Саянского региона присутствует также группа HG12 (предковая по отношению к HG16), максимальная частота которой – до 35% – зарегистрирована у шорцев и тофаларов. Недавние генетические исследования [38] указывают на чисто азиатское происхождение гаплогруппы N3 в подтверждение высокой частоты встречаемости группы HG12 и наличие группы HG16 в алтае-саянских популяциях [13].

Применение различных методов датировки этногенеза (археологический, исторический, генохронологический, глоттохронологический) должно выявить совпадающий отрезок времени формирования якутской популяции лишь при условии сохранения в определенной степени целостности генофонда и языковой идентичности народа. Примерное совпадение времени ее формирования по двум методам (глоттохронологическому и генохронологическому) и недостаточность подтверждений по другим (археологическому и историческому) не дают возможности однозначного определения «ядра» и «периферии» многосоставного этноса. Несмотря на это, можно предположить, что в ходе миграций, которые могли представлять собой инфильтрацию небольших групп в местные сообщества, позднее – иметь более массовый характер, формировались факторы глубинных этносоциальных трансформаций, определивших качественный скачок в демографическом развитии якутской популяции. Применительно к проблематике статьи наиболее важными из них представляются изменения этнодемографических характеристик народонаселения региона и вызван-

ные ими хозяйственные ориентации. Местом этих преобразований можно указать регион средней Лены, где они могли происходить в течение XIII-XIV вв., что в целом подтверждается широким разнообразием мтДНК популяции якутов, часть которых входит в генофонд соседних народов, проживающих преимущественно в Южной Сибири. Безусловно, вышеизложенный материал требует дополнительной аргументации и подкрепления в деталях другими данными, но все же дает достаточно оснований для продолжения междисциплинарной дискуссии по разнообразным аспектам исторических миграций, колонизации региона пастушескими сообществами и формирования языка, идентичности и культуры современных якутов (саха).

Работа выполнена в рамках реализации проектов Министерства образования и науки РФ №17.7344.2017 / ВУ и АААА-Ф17-117030110062-0.

Литература

1. Адамов Д. Об основных гаплогруппах Y-хромосомы тунгусо-маньчжурских народов / Д. Адамов // <http://rjgg.molgen.org/index.php/RJGGRE/article/view/29>. The Russian Journal of Genetic Genealogy (русская версия). – 2009. – Vol. 1, №2. <http://rjgg.molgen.org/>.
2. Адамов Д. About the main haplogroups of the Y-chromosome of the Tungus-Manchurian peoples / D. Adamov // <http://rjgg.molgen.org/index.php/RJGGRE/article/view/29>. The Russian Journal of Genetic Genealogy (русская версия). Vol. 1, №2 (2009). <http://rjgg.molgen.org/>.
3. Алексеев А.Н. Древняя Якутия: железный век и эпоха средневековья / А.Н. Алексеев. – Новосибирск, 1996.
4. Алексеев А.Н. Ancient Yakutia: the Iron Age and the Middle Ages / A.N. Alexeyev. – Novosibirsk, 1996.
5. Алексеев А.Н. Происхождение якутского народа по археологическим данным / А.Н. Алексеев. – Иркутск, 2002.
6. Алексеев А.Н. The origin of the Yakut people according to archeological data / A.N. Alexeyev. – Irkutsk, 2002.
7. Алексеев А.Н. Основные этапы проникновения тюркских этнических групп на среднюю Лену / А.Н. Алексеев // Археология Северо-Восточной Азии: астроархеология, палеометрология: сб. науч. тр. – Новосибирск, 1996. – С. 57-164.
8. Алексеев А.Н. The main stages of the penetration of turkic ethnic groups into the Middle Lena / A.N. Alexeyev // Archeology of Northeast Asia: astroarcheology, palaeometrology: coll. Sci. Tr. – Novosibirsk, 1996. – P. 57-164.
9. Антонов Н.К. Историческая лексика якутского языка / Н.К. Антонов. – Якутск, 1971.
10. Антонов Н.К. Historical lexicon of the Yakut language / N.K. Antonov. – Yakutsk, 1971.
11. Башарин Г.П. История аграрных отношений в Якутии. Т.1. Аграрные отношения с древних времен до 1770-х годов / Г.П. Башарин. – М., 2003.
12. Башарин Г.П. The history of agrarian relations in Yakutia. V.1. Agrarian relations from ancient times to the 1770s / G.P. Basharin. – M., 2003.
13. Бурыкин А.А. Система терминов родства якутов в синхронном, сравнительно-историческом и ареальном аспектах / А.А. Бурыкин // Алгебра родства. – Вып.5. – СПб., 2000. – С.213-242.
14. Бурыкин А.А. System of terms of kinship of the Yakuts in synchronous, comparative-historical and areal aspects / A.A. Burykin // Algebra of kinship. – Vol. 5. – PSP, 2000. – P.213-242.
15. Гоголев А.И. Лекции по исторической этнографии якутов: уч. пособие / А.И. Гоголев. – Якутск, 1978.
16. Гоголев А.И. Lectures on the historical ethnography of the Yakuts: textbook / A.I. Gogolev – Yakutsk, 1978.
17. Гоголев А.И. Историческая этнография якутов / А.И. Гоголев. – Якутск, 1980.
18. Гоголев А.И. Historical ethnography of the Yakuts / A.I. Gogolev – Yakutsk, 1980.
19. Гоголев А.И. Историческая этнография якутов (вопросы происхождения) / А.И. Гоголев. – Якутск, 1986.
20. Гоголев А.И. Historical ethnography of the Yakuts (issues of origin) / A.I. Gogolev – Yakutsk, 1986.
21. Гоголев А.И. Якуты: проблемы этногенеза и формирования культуры / А.И. Гоголев. – Якутск, 1993.
22. Гоголев А.И. Yakuts: problems of ethnogenesis and formation of culture / A.I. Gogolev – Yakutsk, 1993.
23. Гоголев А.И. Археологические памятники Якутии позднего средневековья (XIV-XVIII вв.) / А.И. Гоголев. – Иркутск, 1990.
24. Гоголев А.И. Archaeological monuments of Yakutia of the late Middle Ages (XIV-XVIII c.) / A.I. Gogolev-Irkutsk, 1990.
25. Деренко М.В. Генетическая история коренного населения Северной Азии / М.В. Деренко, Б.А. Малярчук // Природа. – 2002. – №10. – С.69-76.
26. Derenko M.V. Genetic history of the indigenous population of North Asia / M.V. Derenko, B.A. Malyarchuk // Nature. – 2002. – 10. – P.69-76.
27. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. / Б.О. Долгих. – М., 1960. – С.542-544, 615-617.
28. Dolgikh B.O. The tribal and tribal composition of the peoples of Siberia in the XVII century / B.O. Dolgikh-M., 1960. – P.542-544, 615-617.
29. Дьячковский Ф.Н. Василий Васильевич Радлов (1837-1918) / Ф.Н. Дьячковский // Якутский язык в зарубежной тюркологии. – Якутск. 2005. – С.11.
30. D'yachkovsky F.N. Vasily Vasilyevich Radlov (1837-1918) / FN. Dyachkovsky // The Yakut language in foreign Turkology. – Yakutsk. 2005. – P.11.
31. Емельянов Н.В. Якутские пословицы и поговорки / Н.В. Емельянов. – Якутск, 1962. – С.68.
32. Emelyanov N.V. Yakut proverbs and sayings. Emelyanov. – Yakutsk, 1962. – P.68.
33. Клесов А.А. Первый пример определения времени жизни общего предка по ископаемым гаплотипам / А.А. Клесов // Вестник Российской Академии ДНК-генеалогии. – Т.3. – 2010. – №3 (март) Michael Temosh's Storefront <http://stores.lulu.com/temosh>.
34. Klesov A.A. The first example of determining the lifetime of a common ancestor in fossil haplotypes / A.A. Klesov // Bulletin of the Russian

Academy of DNA Genealogy. -V. 3. -2010. -№3 (March) Michael Temosh's Storefront <http://stores.lulu.com/temosh>.

18. Кабузан В.М. Движение населения Сибири в XVIII в. / В.М. Кабузан, С.М.Троицкий // Сибирь XVII-XVIII вв. – Новосибирск, 1962. – С.155.

Kabuzan V.M. The movement of the population of Siberia in the XVIII century. / V.M. Kabuzan, S.M. Troitsky // Siberia of the XVII-XVIII centuries. – Novosibirsk, 1962. – P.155.

19. Ксенофонов В.Г. Ураанхай-сахалар: очерки по древней истории якутов / В.Г. Ксенофонов. – Иркутск, 1937. – 576 с.

Xenofontov V.G. Uraanghai-sahalar: essays on the ancient history of the Yakuts / V.G. Xenophon. – Irkutsk, 1937. – 576 p.

20. Левин Г.Г. Исторические связи якутского языка с древнетюркскими языками VII-IX вв. (в сравнительно-сопоставительном аспекте с восточно-тюркскими и монгольскими языками) / Г.Г. Левин. – Якутск, 2013.

Levin G.G. Historical relations of the Yakut language with the ancient Turkic languages of the 7th-9th centuries. (In a comparatively comparative aspect with the East Turkic and Mongolian languages) / G.G. Levin. – Yakutsk, 2013.

21. Линденау Я.И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века). Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока / Я.И. Линденау. – Магадан, 1983.

Lindenau Ya.I. Description of the peoples of Siberia (the first half of the XVIII century). Historical and ethnographic materials about the peoples of Siberia and the Northeast / Ya.I. Lindenau. – Magadan, 1983.

22. Мир древних якутов: опыт междисциплинарных исследований (по материалам саха-французской археологической экспедиции) // Якуты (саха). – М.: Наука, 2012. – Серия «Народы и культуры».

The world of the ancient Yakuts: the experience of interdisciplinary research (based on the materials of the Sakha-French archaeological expedition. – M., 2012.

23. Окладников А.П. История Якутской АССР. Т.1. Якутия до присоединения к Русскому государству / А.П. Окладников. – М.-Л., 1955.

Okladnikov A.P. History of the Yakut ASSR. T.1. Yakutia before joining the Russian state / A.P. Okladnikov. – M.-L., 1955.

24. Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья / А.П. Окладников // Материалы и исследования по археологии СССР. – 1955. – №43.

Okladnikov A.P. Neolithic and Bronze Age of the Baikal Region / A.P. Okladnikov // Materials and Research on USSR Archeology. – 1955. – №43.

25. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. LXXX. Якутская область. – СПб., 1904. – С.48-49.

The first general census of the Russian Empire in 1897 LXXX. The Yakut region. – St. Petersburg, 1904. – P.48-49.

26. Погребальный обряд якутов как историко-этнографический источник (XVII-XIX вв.): автореф. дис. ... канд. ист.наук / Р.И. Бравина. – Л., 1983.

Funeral rite of the Yakuts as a historical and ethnographic source (XVII-XIX centuries.): Abstract. Dis. ... PhD / R.I. Bravina. – L., 1983.

27. Серошевский В.Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. 2-е изд. / В.Л. Серошевский. – М., 1993. – 736 с.

Seroshevsky V.L. The Yakuts. Experience of ethnographic research. 2nd ed. / V.L. Seroshevsky. – M., 1993. – 736 p.

28. Сидоров Е.С. Этюды по сравнительно-исторической лексикологии якутского языка / Е.С. Сидоров // Советская тюркология. – 1985. – №3. – С.53-63.

Sidorov E.S. Studies on the comparative-historical lexicology of the Yakut language / E.C. Sidorov // Soviet Turkology. – 1985. – №3. – P.53-63.

29. Слепцов П.А. Происхождение и развитие якутского языка / П.А. Слепцов // Якуты (саха). – М., 2012. – С.107-111. – Серия «Народы и культуры».

Sleptsov P.A. Origin and development of the Yakut language. Sleptsov // Yakuts (Sakha). – M., 2012. – P.107-111. Series «Peoples and Cultures».

30. Токарев С.А. Очерк истории якутского народа / С.А. Токарев. – М., 1940.

Tokarev S.A. Essay on the history of the Yakut people / S.Tokarev. – M., 1940.

31. Токарев С.А. Происхождение якутской народности / С.А. Токарев // Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. – 1941. – Вып.9. – С.229.

Tokarev S.A. Origin of the Yakut people / S.A. Tokarev // Brief Communications of the Institute

of the History of Material Culture of the USSR Academy of Sciences. – 1941. – Вып.9. – P.229.

32. Токарев С.А. Общественный строй якутов XVII-XVIII вв. / С.А. Токарев. – Якутск, 1945.

Tokarev S.A. Social system of the Yakuts XVII-XVIII centuries. / C.A. Tokarev. – Yakutsk, 1945.

33. Тюрин А.М. К вопросу о генохронологическом датировании предков якутов / А.М. Тюрин // <http://new.chronologia.org/turin/>.

Tyurin A.M. To the question of the genochronological dating of the ancestors of the Yakuts / A.M. Tyurin // <http://new.chronologia.org/turin/>.

34. Убрятова Е.И. Якутский язык в его отношении к другим тюркским языкам, а также к языкам монгольским и тунгусо-маньчжурским / Е.И. Убрятова. – М., 1960.

Ubyratova E.I. Yakut language in its relation to other Turkic languages, as well as to the languages of Mongolian and Tungus-Manchurian / E.I. Ubyratova. – M., 1960.

35. Убрятова Е.И. Очерк истории изучения якутского языка / У.И. Убрятова. – Якутск, 1945.

Ubyratova E.I. Essay on the history of the study of the Yakut language / U.I. Ubyratova. – Yakutsk, 1945.

36. Федорова С.А. Генетические портреты народов Республики Саха (Якутия) / С.А. Федорова. – Якутск: Изд-во ЯНЦ СО РАН, 2008. – 235 с.

Fedorova S.A. Genetic portraits of the peoples of the Republic of Sakha (Yakutia) / S.A. Fedorov. – Yakutsk: Publishing House of the Yants SB RAS, 2008. – 235 p.

37. Этническая геномика якутов (народа саха) / Л.А. Тарская [и др.]. – М.: Наука, 2009. – 271 с.

Ethnic genomics of the Yakuts (Sakha people) / L.A. Tarski [et al.]. – M.: Science, 2009. – 271 p.

38. Human Y Chromosome Haplogroup N: A Non trivial Time-Resolved Phylogeography that Cuts across Language Families / A-M Ilumae [et al.] // The American journal of Human Genetics. – 2016. - July 7. -99, 163-173.

39. Human evolution in Siberia: from frozen bodies to ancient DNA / E. Crubezy [et al.] BMC Evolutionary Biology, 10-25. <http://www.biomedcentral.com/1471-2148/10/25>.

40. Radloff W. Diejakutische Sprachein ihrem Verhaeltnissezuden Tuerksprachen / W. Radloff // Abteilunghistor. – filol. – T.VIII. – №7. – St.-Petersburg, 1908.